

Has been issued since 2002 https://mongoloved.kigiran.com/jour	МОНГОЛОВЕДЕНИЕ (Монгол судлал) (Mongolian Studies) ISSN 2500-1523 (Print) ISSN 2712-8059 (Online)
Vol. 16, Is. 3, pp. 591–609, 2024 DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609	

ЛИНГВИСТИКА

УДК / UDC 81'272
DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди

Эржен Владимировна Хилханова¹

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0001-9369-343X E-mail: [erzhen133\[at\]mail.ru](mailto:erzhen133[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024
© Хилханова Э. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется языковой ландшафт столицы Монголии Улан-Батора в междисциплинарном теоретико-методологическом контексте: на стыке социолингвистики и лингволандшафтных исследований как ее субдисциплины, социальной семиотики и этнографии. *Целью* исследования является анализ (1) самих знаков языкового ландшафта и (2) социальных значений, приписываемых языкам жителями Улан-Батора, и языковых идеологий, лежащих в основе социальной индексальности. В работе применялись *методы* фотофиксации единиц языкового ландшафта в центре Улан-Батора и анкетирования представителей малых бизнесов и обычных горожан. Всего в качестве *материала* для анализа выступили 576 единиц языкового ландшафта и 100 анкет, собранных в марте 2024 г. *Результаты.* Синхронный срез языкового ландшафта Улан-Батора показал, что ключевыми «игроками» на языковом «поле» Монголии — как в языковом ландшафте столицы, так и в коллективном сознании жителей являются, помимо государственного монгольского языка, английский язык, за которым следуют китайский, русский и корейский языки; особое символическое значение имеет вертикальное монгольское письмо. За преимущественно монголоязычным ландшафтом с тенденцией к вестернизации были выявлены, с одной стороны, открытость страны и ориентация на международное сотрудничество, с другой — беспокойство людей о будущем монгольского языка, его «чистоте». Анализ показал амбивалентное отношение к английскому и китайскому языкам в языковом ландшафте и вне его, что обусловлено как исторической памятью, так и современными геополитическими факторами. Как определенное «примирение» амбивалентных языковых идеологий интерпретируется гибридная стратегия нейминга, т. е. комбинирование монгольского и английского языка как на официальных, так и неофициальных знаках языкового ландшафта. Такая стратегия нейминга имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языков. В целом языковой ландшафт Улан-Батора находится в состоянии динамической трансформации, и увеличение символического веса одних языков (английского) и уменьшение других (русского) метонимически отражает вектор развития страны и ее ценностные ориентации.

Ключевые слова: языковой ландшафт, Монголия, Улан-Батор, социальное значение, индексальность, знак, языковые идеологии, этнографический подход

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Языковые ландшафты Улан-Удэ и Улан-Батора как зеркало языковой политики и отношения к языкам» (№ 24-28-00590, <https://rscf.ru/project/24-28-00590/>). Автор благодарит доктора филологических наук, профессора Монгольского государственного университета Цэрэнчимэд Саранцацрал за помощь в проведении полевого исследования.

Для цитирования: Хилханова Э. В. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки и люди // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 591–609. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what Signs and People tell about

*Erzhen V. Khilkhanova*¹

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Senior Research Associate

0000-0001-9369-343X E-mail: erzhen133[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Khilkhanova E. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper analyzes the linguistic landscape of the Mongolian capital Ulaanbaatar in an interdisciplinary theoretical and methodological context: at the junction of social semiotics, ethnography, and linguistic landscape studies as a subdiscipline of sociolinguistics. *The aim* of the study is to analyze the linguistic landscape signs and social meanings attributed to them by the inhabitants of Ulaanbaatar, as well as linguistic ideologies underlying social indexicality. *The method* used include photographing linguistic landscape units in the center of Ulaanbaatar and surveying representatives of small businesses and ordinary urban dwellers. In total, 576 units of the linguistic landscape and 100 questionnaires collected in March 2024 served as *material* for analysis. *Results.* A synchronous ‘crosscut’ of the linguistic landscape of Ulaanbaatar showed that the key ‘players’ in the linguistic ‘field’ of Mongolia — both in the capital’s linguistic landscape and in the collective consciousness are the official Mongolian language, English, followed by Chinese, Russian and Korean; vertical Mongolian writing has a special symbolic meaning. Behind the predominantly Mongolian linguistic landscape with a tendency towards Westernization other trends and ideologies have been revealed. On the one hand, it is the openness of the country and its orientation towards international cooperation, on the other hand, people’s concern about the future of the Mongolian language and its ‘purity’. The analysis also showed an ambivalent attitude towards English and Chinese in and outside the linguistic landscape, which is due to both historical memory and potential threats to the ‘small country’ from powerful neighbors and globalization, which jeopardizes national identity. As a certain ‘reconciliation’ of ambivalent language ideologies a hybrid naming strategy is interpreted, i.e. the combination of Mongolian and English on both official and unofficial signs of the linguistic landscape. This naming strategy has a multiple indexical value: this is both a representation of the Mongolian national identity and a manifestation of internationalization strategy and commodification of languages. The linguistic landscape in Ulaanbaatar creates a deceptive impression of a large presence of the Russian language, which is created due to the Cyrillic alphabet as a graphic system of the modern Mongolian language and a large number of Russian borrowings. The attitude towards Chinese is characterized by the greatest ambivalence when anti-Chinese sentiments exist along with awareness of its commodification value. In general, the linguistic landscape of

Ulaanbaatar is in a state of dynamic transformation, and the increase in the symbolic weight of some languages (English, Chinese and Korean) and the decrease of others (Russian) metonymically reflects the vector of the country's development and its value orientations.

Keywords: linguistic landscape, Mongolia, Ulaanbaatar, social meaning, indexicality, sign, language ideologies, ethnographic approach

Acknowledgements. The research was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00590 “Language Landscapes of Ulan-Ude and Ulaanbaatar as a Mirror of Language Policy and Attitude to Languages” (<https://rscf.ru/project/24-28-00590/>). The author thanks the Doctor of Philology, Professor of the Mongolian State University Tserenchimed Sarantsatsral for her help in conducting the field research.

For citation: Khilkhanova E.V. The Linguistic Landscape of Ulaanbaatar: what signs and people tell about. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 591–609. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-591-609

1. Введение. О теории и методологии исследования

На современном этапе развития наук, подпадающих под широкое определение исследований «языка и общества», уже очевидно, что эпистемологический прирост может происходить только за счет взаимной кросс-фертилизации. Именно таково исследовательское поле данной работы, отраженное в ее названии. С одной стороны, это языковые ландшафты как часть социолингвистической проблематики, в частности, исследований языковой политики [Schohamy 2006], с другой — (социальная) семиотика [Чернявская 2023а; Чернявская 2023б], с третьей — этнографический подход с его вниманием к людям, их языковым идеологиям, как неосознаваемым, так и выведенным на уровень метаязыковой рефлексии.

Хотя понятие языкового ландшафта изначально естественным образом было связано с семиотикой, семиотическая сторона знаков языкового ландшафта в начале не очень акцентировалась. Это видно в известном определении, данном в 1997 г. Р. Лэндри и Р. Бури: «сочетание языков, используемых на публичных дорожных знаках, рекламных щитах, знаках с названиями улиц и заведений, вывесках магазинов и государственных учреждений, образует *языковой ландшафт* (курсив мой. — Э. Х.) данной территории, региона или городской агломерации» [Landry, Bourhis 1997: 25]. Мы придерживаемся этого определения, позитивной стороной которого является четкость, однако учитывали и семиотические измерения языкового ландшафта.

Социальное значение, или, в иной терминологии, *социальные индексы* (курсив мой — Э.Х.) возникают в результате интерпретации знака в связи с контекстом его употребления [Чернявская 2023б]. Социальная индексальность увязана с лингвистической вариативностью, которая возможна на всех уровнях языка — фонетическом, лексическом, грамматическом. Индексальное социальное значение при этом указывает на конкретную социальную атрибуцию, такую как социальный класс, национальность, социальный пол, профессиональный статус и т. п., и на то, как социальные отношения между коммуникантами проявляют себя во взаимодействии [Чернявская 2023а: 75]. В России примером исследований, выявляющих социальную индексальность именно ландшафтных знаков, может служить работа В. Е. Чернявской о социальной индексальности типографики и текстового шрифта, характерных для советского периода и распознаваемых как таковые социальными акторами. В этой работе делается ряд интересных выводов и наблюдений относительно современных практик реконструкции советского ландшафта, имеющих самые разные социальные значения

/ социальные индексы, например, коммерческую эксплуатацию мифа о жизни в идеализированном СССР, где все было «дешево», «стабильно» и «для народа» (подробнее см.: [Чернявская 2023б: 53]).

Ландшафты, как языковые, так и в совокупности вербальных и невербальных знаков, «нагружены» социальными значениями и тесно увязаны с (языковыми) идеологиями (см. также об этом: [Чернявская 2023б: 55–58]). Идеология в нашем исследовании понимается максимально широко¹ — не столько как атрибут и инструмент власти и «символического насилия» [Бурдье 2005], сколько как своеобразный набор инструкций, неписаных нормативных правил, в том числе и в отношении образа социального мира, а также как «средоточие аксиоматических предубеждений» [Рубцов и др. 2016: 24]. Важно подчеркнуть, что идеологии вообще и языковые идеологии в частности как их подвид присущи всем людям независимо от их доступа к власти; они имеют групповые и индивидуальные измерения, только частично рационализируются и поэтому слабо поддаются аналитической рефлексии со стороны самих носителей (подробнее о языковых идеологиях см.: [Хилханова 2022]).

Этнографический подход, обращение к мнениям и оценкам людей, языковым идеологиям нередко остается за скобками как семиотических, так и лингволандшафтных исследований, фокусирующихся на описании и анализе самих знаков языкового ландшафта (см., например: [Габдрахманова и др. 2015]). Без участия «голосов» жителей города читателю предъявляется только материал в интерпретации исследователя, которая, очевидно, не может не быть субъективной². Безусловно, было бы наивным утверждать, что «голоса» придают исследованию объективность; как справедливо отмечал А. А. Горных, «с позиций современных культурных исследований претензии на фактологичность, строгую описательность различных дисциплин — будь то этнография, история или психиатрия — скорее свидетельствуют о работе культурных тропов или механизмов власти-знания (воспроизводство иерархий, распределение ресурсов), нежели ведут к объективной фиксации реалий. Этнографический объект с самого начала является „текстом“, предстает как поле текстуальности, порожаемое „конфликтом интерпретаций“ или взаимопереводом различных „языков“» [Горных 2007: 35].

В нашем исследовании принципиально сочетание вышеописанных теоретико-методологических подходов, когда анализируются сам языковой ландшафт и социальные значения, которые, с одной стороны, закладываются в языковой ландшафт его создателями, а с другой стороны, «считываются» и приписываются ему его наблюдателями, при этом заложенные и интерпретируемые смыслы не всегда совпадают.

Географическим объектом настоящего исследования является страна, практически неизученная с точки зрения ее языкового ландшафта — Монголия. Если тема валоризации языков в Монголии так или иначе присутствует как в научном, так и бытовом дискурсе (например: [Русский язык в Монголии 2023]), тема языкового ландшафта и социальной индексальности его знаков остается пока за пределами интереса (социо)лингвистов. В соответствии с принятой

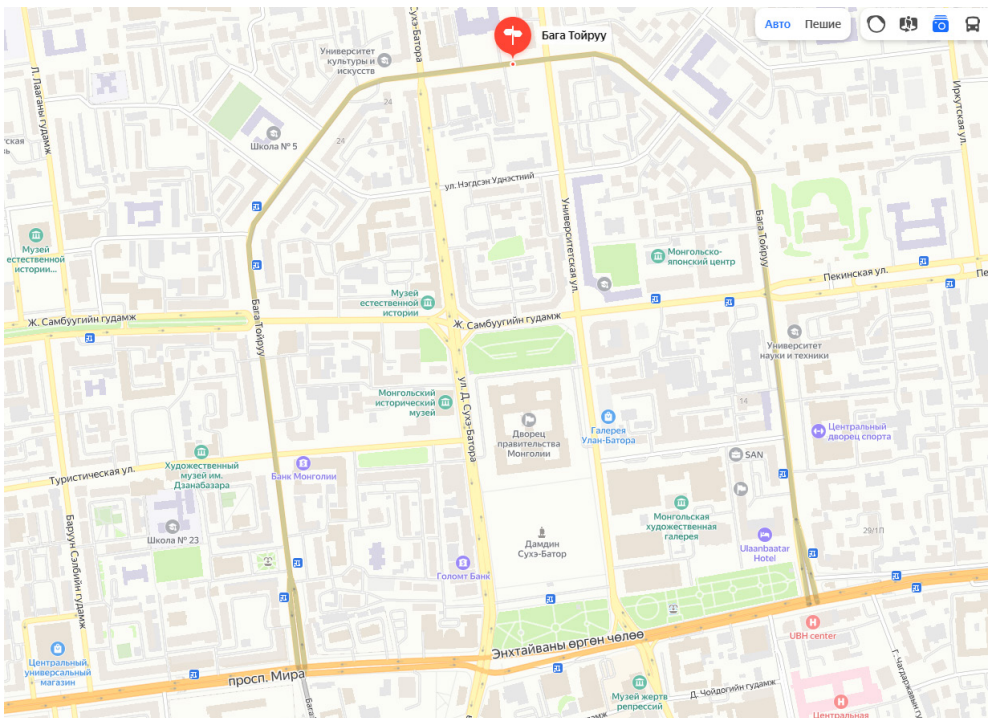
¹ О широкой и узкой интерпретации идеологии см.: [Khilkhanova 2023].

² О «позициональности» ученого см., например: [Форум. Лингвистическая антропология 2023].

теоретической концепцией, отраженной в названии, в операциональном плане исследование базируется на анализе (1) самих знаков языкового ландшафта (далее — ЯЛ) и (2) социальных значений, приписываемых языкам в ЯЛ жителями столицы Монголии Улан-Батора и лежащих в их основе языковых идеологий. Улан-Батор, безусловно, является самым репрезентативным городом Монголии для изучения языкового ландшафта, и ввиду его столичного статуса и размера, и потому, что в нем проживает 1/3 всего населения страны¹.

2. Об источниках и методах исследования

Анализ устройства языкового пространства столицы Монголии проводится с использованием следующих методов. Для сбора материала был использован метод фотофиксации единиц ЯЛ в центре Улан-Батора, внутри сегмента, очерченного двумя центральными улицами города — *Бага тойруу* и проспектом Мира (*Энхтайваны өргөн чөлөө*) (карта 1). Методика сбора эмпирического материала в центре города является весьма распространенной (см.: [Cenoz, Gorter 2006; Blackwood, Tufi 2015]); тогда эти центральные улицы становятся своего рода *pars pro toto* ЯЛ всего города или даже всего региона [Gorter 2018]. Всего в качестве материала для анализа выступили 576 единиц ЯЛ, собранные в 2024 г. Единицей анализа и знаком ЯЛ считался «фрагмент текста в пределах пространственно определяемой рамки» [Backhaus 2007: 66], относящийся к определенному заведению (магазину, парикмахерской и т. д.). Повторы названия заведения на его фасаде дважды не учитывались (о дискуссии по поводу единицы анализа см.: [Gorter 2018]).

Карта 1. Исследованный сегмент в центре Улан-Батора.
[Map. 1. The studied segment in the center of Ulaanbaatar]

¹ По данным Национального статистического управления (*Үндэсний статистикийн хороо*) 2019 г., из всего населения Монголии (3 296 866 человек) в Улан-Баторе проживало 1 539 810 человек [Үндэсний статистикийн хороо].

Помимо выявления общих тенденций ЯЛ внутри очерченного на карте 1 сегмента, был использован один из вариантов количественного метода, а именно метод сплошной фиксации визуальной текстовой информации. Ввиду трудоемкости метода сплошная фотофиксация была использована не на всех улицах внутри вышеозначенного сегмента, а на ограниченном отрезке, начиная с пересечения ул. Бага Тойруу с проспектом Мира и до ее пересечения с Университетской улицей, что составляет примерно 1,5 км (больше половины протяженности улицы Бага Тойруу) (см. карту 1). Применение количественного метода необходимо для выявления реальной, статистически подтвержденной картины соотношения языков в ЯЛ как основы для последующих интерпретаций.

Второй тип источников в соответствии с этнографическим подходом представлен 100 анкетами, выявляющими отношение к языкам жителей Улан-Батора — как представителей малого бизнеса (кафе, магазинов и т. д.), так и обычных горожан. Анкетирование с открытыми вопросами стало вынужденной мерой сбора информации, заменившей изначально планировавшиеся аудиозаписи интервью ввиду нежелания людей отвечать на вопросы под запись¹. Для обработки полученных данных был использован количественный метод и метод лингвистической интерпретации.

Данная публикация впервые представляет результаты проведенного в 2024 г. полевого исследования. Ввиду ограниченности объема статьи и публикации ее в профильном журнале было решено не включать в нее вводный раздел об истории и языковой ситуации в Монголии — эта информация хорошо известна специалистам.

3. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят знаки

Еще до начала полевого исследования в телеграм-канале Буддийской традиционной Сангхи России был размещен пост, где со ссылкой на «доктора филологических наук монгольского языка М. Саруул-Эрдэнэ» говорилось о том, что «вывески в городе Улан-Батор на 80 % состоят из английских слов, тогда как 25 лет назад вывески названий на 40 % были еще на монгольском языке. Таким образом монгольский язык в столице страны отторгается от народа и теряет свою надобность и ценность»². На рис. 1 представлен количественный анализ процентного соотношения языков в ЯЛ Улан-Батора, произведенный по методу сплошной фиксации на ул. Бага Тойруу (см. об этом в разделе 2).

Как видно по рис. 1, халха-монгольский язык (далее мы его будем обозначать просто как монгольский язык) безусловно доминирует в ЯЛ столицы. Таким образом, как общее впечатление от ЯЛ Улан-Батора в целом, так и количественный подсчет в выбранном городском сегменте показывают, что государственный монгольский язык на кириллической графике занимает то место, которое в мировой практике обычно и занимают языки, обладающие таким статусом и государственной поддержкой. Следовательно, вышеприведенное высказывание из телеграм-канала можно считать скорее негативным прогнозом, так как статистический подсчет подтвердил также и значительную долю английского языка и сочетания монгольского и английского в пределах одного и того же

¹ То, что интервьюер — иностранка, также сыграло определенную роль.

² Аюшеев Д. Доктор филологических наук [электронный ресурс] // URL: <https://t.me/datsansangha/4888> (дата обращения: 05.03.2024).

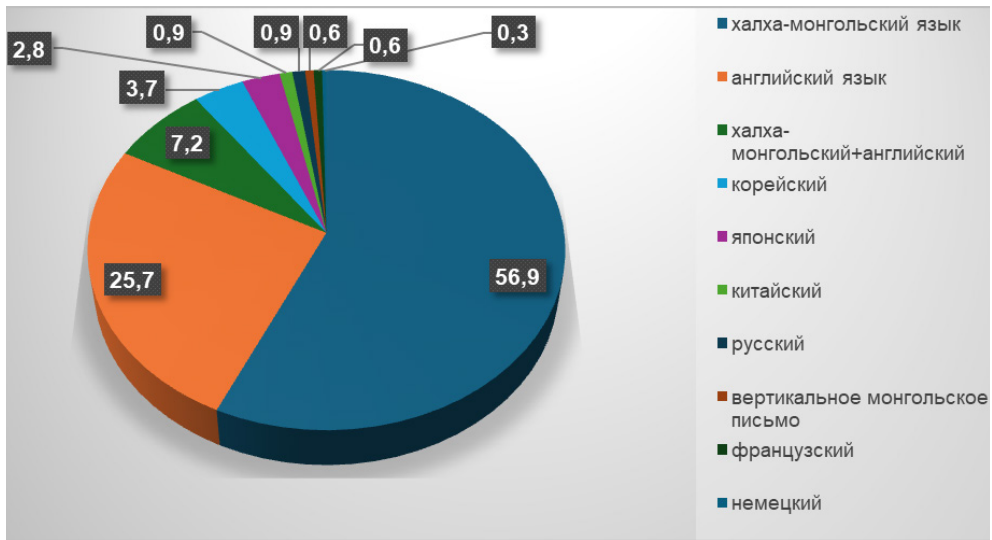

Рис. 1. Доля языков в языковом ландшафте в исследованном сегменте центра Улан-Батора, %
 [Fig. 1. The share of languages in the linguistic landscape in the studied segment of the center Ulaanbaatar, %]

знака ЯЛ. Таким образом, определенная тенденция к «вестернизации» (или американизации) как официальных знаков ЯЛ (названий государственных учреждений), так и вывесок частных заведений (кафе, ресторанов, гостиниц и т. д.) действительно имеет место. В этом смысле в Монголии идет процесс, наблюдаемый во многих регионах мира, включая Азию. Ученые говорят о том, что тенденция к моновязычию, характерная для многих стран, по-видимому, не относится к английскому языку. Например, в Таиланде английский язык быстро становится де-факто вторым языком тайских городов, несмотря на отсутствие исторической принадлежности страны к англоязычному колониальному миру [Huebner 2006: 31]. Монголия также никогда не принадлежала к англоязычному колониальному миру, однако вопрос о том, достигнут ли в Монголии компромисс относительно включения английского языка в «национальный нарратив» [Savski 2021: 16], как это имеет место в Таиланде, еще нуждается в прояснении. Этот вопрос будет рассмотрен более подробно ниже.

Комбинирование монгольского и английского языков в стратегиях нейминга, как, например, на фото 1, имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Другими словами, такие вывески сигнализируют о презентации заведения как части глобальной экономики, апеллируя к иностранным туристам как потенциальным потребителям и используя английский язык как международный *lingua franca*.

В лингволандшафтных исследованиях известно, что размер надписей и их расположение также имеет значение [Ferguson, Sidorova 2018: 35; Хилханова и др. 2024: 22, 24, 32]. Большинство видов письменностей сегодня, включая латиницу и кириллицу, имеет направление слева направо. Из этого следует то, что знаки, расположенные левее, в первую очередь привлекают внимание и, следовательно, имеют более высокую значимость. Символическая оппозиция

верха и низа также имеет культурную значимость практически во всех культурах. Поскольку современная монгольская графика на кириллической основе, эти две оппозиции — по горизонтали и вертикали — релевантны и для ЯЛ Улан-Батора. На подавляющем большинстве знаков ЯЛ надписи на халха-монгольском выполнены или крупнее, или выше, чем надписи на других языках (см., например, фото 1)¹, обозначая тем самым социальную значимость государственного языка страны.

Фото 1. Вывеска «Продуктовый магазин». Фото автора, 2024 г.
[Photo 1. The sign “Grocery store”. Photo by the author, 2024]

Из всех знаков ЯЛ, пожалуй, самым «нагруженным» социальным значением, даже не индексом, а символом является вертикальное монгольское письмо. Символическая значимость введения собственной графической системы письма, отличной как от российской, так и от китайской, сводится к объединению территориально разделенных монголов, утверждению уникальной национальной идентичности и независимости страны. Тем не менее в исследованном сегменте мы не обнаружили использования монгольского письма в знаках ЯЛ, создаваемых неофициальными акторами. Все обнаруженные знаки были на официальных учреждениях (см., например, фото 2 и 3). Это свидетельствует о том, что, во-первых, смена графики — долгий и непростой процесс, во-вторых, повседневность отличается от top-down конструирования идентичности, которое не поддерживается активно низовыми создателями ЯЛ.

¹ Тем не менее это правило не универсально, и расположение, и размер знаков, а также присутствие на нем невербальных знаков имеют социальное значение. Так, например, доминирование русского языка в сочетании с английским и монгольским на вывеске кафетерия «Милая» (см. фото 4) отражает советское происхождение основателя бренда «Милая» и соответствующий выбор языка.

Фото 2. Государственный музей Чингис-хана
[Photo 2. the State Museum of GenghisKhan]

Фото 3. Министерство юстиции и внутренних дел
[Photo 3. Ministry of Justice and Internal Affairs]

ЯЛ Улан-Батора создает обманчивое впечатление большого присутствия русского языка, чем это есть на самом деле. Этот эффект создается (1) за счет кириллицы как графической системы современного монгольского языка, (2) за счет большого количества заимствований из русского языка, видимых и в ЯЛ тоже. «В течение XX в. иностранные слова, пришедшие из западных языков, почти все проникли через русский. Поэтому русизмами мы считаем все иноязычные слова, которые были освоены русским языком и поступили в монгольский язык через его посредство» [Бат-Эрдэнэ 2012]. Многие русизмы давно стали частью ЯЛ Улан-Батора как в фонетически и графически ассимилированном (галерей, програм, реклам, касс, амбулатори, лаборатори), так и неизменном виде (нотариат, музей, центр, кафе, ресторан, банк, маникюр, педикюр, салон, парк, клуб). Русскоязычности языковому ландшафту добавляют и некоторые механизмы и принципы создания терминов в монгольском языке, к примеру, параллельное употребление иноязычных и монгольских терминов (аптек — эмийн сан) [Довдонбалжирын 2003].

На фото 4 показан один из немногочисленных случаев присутствия русского языка в ЯЛ столицы Монголии не в виде русизмов — это популярный кондитерский бренд «Милая», известный всем жителям Улан-Батора. Этот бренд и серия кафетериев и кондитерских точек в крупнейших супермаркетах столицы был создан бывшим советским дипломатом и торговым представителем России в Монголии С. Опанасенко вместе с супругой Баярцэцэг Ядмаа¹.

Фото 4 интересно еще и тем, что оно параллельно иллюстрирует две других тенденции: во-первых, то, что русский язык практически не встречается автономно, без сочетания с другим языком, монгольским и / или английским, во-вторых демонстрирует более общую закономерность транслингвальности ЯЛ вообще.

¹ Ханский борщ: Как советский дипломат стал монгольским ресторатором [электронный ресурс] // URL: <https://m.ok.ru/group/53002371203235/topic/65637130759075> (дата обращения: 05.03.2024).

Фото 4. Вывеска кафетерия «Милая». Фото автора, 2024 г.
[Photo 4. The sign of the cafeteria "Sweetheart". Photo by the author, 2024]

На фото 4 на русском языке написано только непосредственно название бренда «Милая», вся остальная информация дана на монгольском и английском языках. Это свидетельствует о том, что информационная и коммодификационная «сила» русского языка недостаточна: чтобы знак был моментально понятен максимальному количеству адресатов и привлекал их, необходимо его усилить другими языками, которые этот потенциал имеют, а именно монгольским и английским.

Ослабление позиций русского языка в Монголии следует отнести к экономическим причинам: снижение в 1990-х – начале 2000-х гг. роли России как в мире в целом, так и в отношении Монголии, отсутствие внимания к поддержке русского языка в Монголии в этот период. Теперь, в первой четверти XX в., осознание того, что Россия упускает Монголию как стратегического партнера, присутствует, при этом распространению русского языка мешает недостаток образовательных ресурсов для его изучения, особенно на фоне острой конкуренции с другими языкам, не испытывающими таких проблем (английским, корейским, китайским, японским) [Терентьев 2017: 58].

4. Языковой ландшафт Улан-Батора: о чем говорят люди

Отношение к языкам в ЯЛ Улан-Батора наиболее ярко проявилось при ответе на открытый вопрос *Та хотод ямар хэлээр ярьдаг хүмүүс олиширч, ямар хэлээр ярьдаг хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсэж байна вэ? Яагаад?* ‘Какие языки Вы хотели бы видеть в городе больше, а какие меньше? Почему?’. Полученный широкий спектр ответов мы попытались категоризировать, стараясь максимально сохранить исходные интенции отвечавших. Так, к примеру, русский язык можно разместить в нескольких категориях: «за европейские языки», «за русский язык» и «за языки соседних стран», но учитывался он только в одной из категорий в зависимости от того, какой акцент делался респондентом. Например, в ответе *Орос, Хятад хэлтэй хүмүүс нэмэгдээсэй гэж хүсэж байна. Хоёр хөрштэйгөө байнгын харилцаатай байх учраас харилцах шаардлагатай*¹ ‘Мне бы хотелось,

¹ В цитатах сохранена орфография и пунктуация информантов.

чтобы больше людей говорили по-русски и по-китайски. Общаться необходимо с обоими соседями, потому что они будут в постоянном контакте' респондент видит важность и желательность не отдельно взятого русского языка, а именно наряду с китайским, и фактор «соседства» является ключевым в аргументации. Соответственно, в категорию «за русский язык» попали только те ответы, где люди говорят только о русском языке в ЯЛ города. Нам показалось важным сохранить эту разбивку, существующую в сознании респондентов (см. рис. 2).

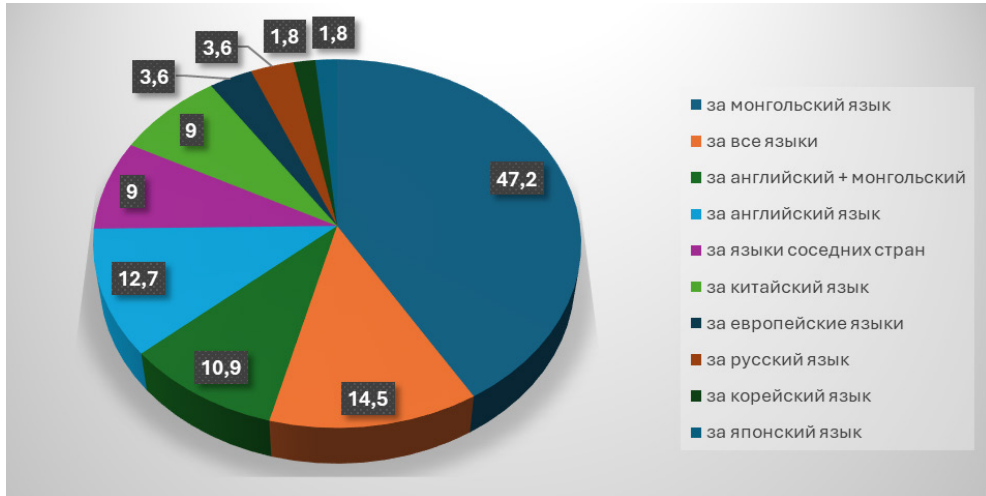

Рис. 2. Ответы информантов о том, какие языки они хотели бы видеть в городе, %
[Fig. 2. Informants' answers about which languages they would like to see in the city, %]

Ответы респондентов о нежелательности тех или иных языков на улицах города для удобства обзора представлены в отдельной диаграмме. Сюда же внесены и случаи, когда отвечающие не знали, что ответить, или не имели мнения по этому поводу (рис. 3).

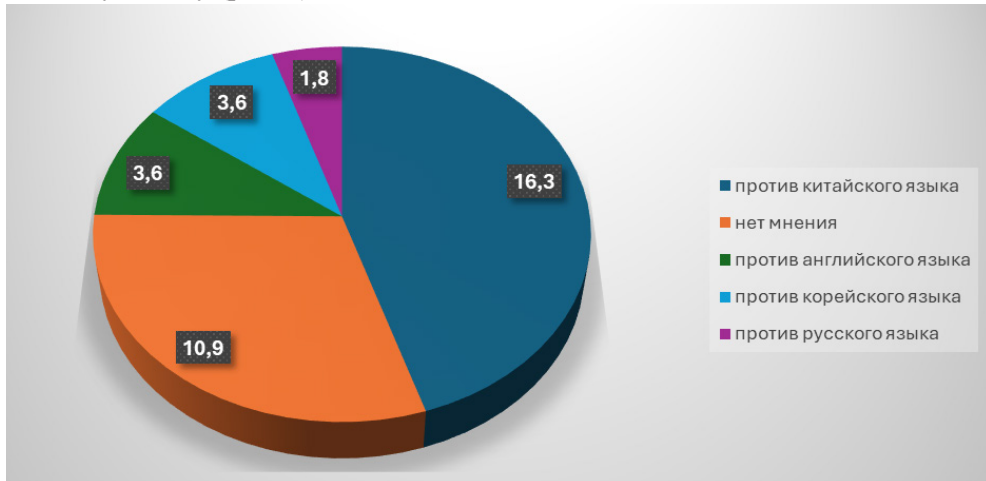

Рис. 3. Ответы информантов о том, какие языки они не хотели бы видеть в городе, %
[Fig. 3. Informants' answers about which languages they would not like to see in the city, %]

Конечно же, следует отдавать себе отчет в условности любой категоризации, примененной к «черному ящику» человеческого сознания. Формулировки «за

язык Х», «против языка Х» были использованы для краткости, и их ни в коем случае не следует понимать буквально. Наоборот, необходимо отметить, что в 14,5 % ответов был продемонстрирован взвешенный и толерантный (можно даже сказать, мудрый) подход, что можно проиллюстрировать следующими высказываниями:

Хоёр хөрийнхөө буюу орос, хятад хэлийг монгол хүмүүд түлхүү сураасай гэж хүсч байна. Мөн итали, испани хэлээр ярих хүмүүс илүү нэмэгдээсэй гэж хүсч байна. Бүх хэл тодорхой хэмжээгээр хэрэг болдог. НҮБ-ын байнгын хэлнээс, аль нэгийг нь сурвал мөн давуу тал болно. Техник технологийн өндөр хөгжилтэй орнуудын хэлийг сурвал мөн давуу тал болно.

‘Я хочу, чтобы монголы больше узнали о языках двух своих соседей, русском и китайском. Я также хотела бы, чтобы больше людей говорили на итальянском и испанском языках. Все языки в той или иной степени нужны. Изучение одного из официальных языков ООН также является преимуществом. Изучение языков технологически развитых стран также является преимуществом’;

Цөөрөөсэй гэж бодсон хэл байхгүй. Бусад гадаад хэл олироосой.

‘Нет языка, которого бы мне хотелось, чтобы его было меньше. Пусть всех языков станет больше’.

То, что такие ответы, названные нами условно «за все языки», стоят на втором месте вслед за лидирующими по количеству приверженцами монгольского языка, говорит, на наш взгляд, о непопулярности стратегий конфронтации и исключения и популярности стратегий открытости и кооперации среди опрошенных и, по-видимому, населения Монголии в целом. Об этом же говорит и то, что количество ответов «за» значительно превышает количество ответов «против» (см. рис. 2 и 3).

Самым неожиданным результатом оказалась озабоченность информантов состоянием и будущим монгольского языка как отдельно взятого, так и в сопоставлении с китайским и английским. Согласно нашей гипотезе, предполагалось, что в ответах информантов проявятся антикитайские настроения монголов, но не предполагалось, что будут высказаны массовые опасения за судьбу государственного монгольского языка:

Эх хэлээрээ ярих нь манайх шиг жижиг улсад чухал учраас, аль болох монголоороо ярих нь зүйтэй.

‘В такой маленькой стране, как наша, важно говорить на родном языке, поэтому лучше говорить на монгольском как можно больше’;

Монгол хэлээр ярьдаг хүмүүс олирч, Хятад, Солонгос, Орос хэлээр ярьдаг хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсэж байна. Учир нь монгол улсад аж төрж байхад баруун болон зүүн ази улсуудын соёл хэт давамгайлсан нь манай улсын хувьд аюулгүй байдал болон соёл, үндэс угсаанд заналхийлж байна.

‘Мне бы хотелось видеть больше говорящих на монгольском языке и меньше говорящих на китайском, корейском и русском языках. Поскольку культура стран Западной и Восточной Азии была слишком доминирующей во время зарождения Монголии, это представляет угрозу безопасности, культуре и этнической принадлежности нашей страны’.

О чем говорят такие настроения и оценки? Очевидно, что в представлении современных монголов потенциальные угрозы монгольскому языку идут в первую очередь со стороны китайского языка (см. также рис. 3), но также и со стороны английского и даже корейского. Угроза языку воспринимается как

угроза национальной безопасности и суверенитету, т. е. язык отождествляется с нацией. Другими словами, социальное значение халха-монгольского языка, в том числе и в ЯЛ, выходит за чисто языковые рамки и включает в себя широкий исторический, геополитический, патриотический и прочие контексты и интерпретации. Социальная индексальность монгольского языка в ЯЛ и вне его представляет собой набор типичных языковых идеологий и социальных значений, обычно приписываемых концептам родного и государственного языков (в нашем случае они совпадают), а именно: маркер национальной идентичности; связь с монгольской культурой и «корнями»; примордиальная интерпретация связи языка и этничности; языковая идеология «один язык — одна нация», дифференциальный маркер «свой — чужой» [Хилханов 2023: 48].

При этом, как показало количественное исследование ЯЛ Улан-Батора, доля монгольского языка в ЯЛ столицы составляет примерно 57 % (рис. 2) (по крайней мере в исследованном сегменте, т. е. в центре города), а в плане естественного многоязычия Монголия является почти моноязычной страной. То, что, несмотря на это, люди беспокоятся о его будущем, обусловлено историей Монголии как страны, расположенной в зоне влияния двух крупных держав — Китая и России, каждая из которых, по мнению исследователей, в разные исторические периоды ограничивала суверенитет Монголии и возможности третьих стран сотрудничать с ней (цит. по: [Игнатов 2023: 25]). Именно историческая память, ощущение «маленькой страны», живущей в окружении крупных держав и отсюда — потенциальной угрозы и от соседей, и от глобализации, воплощающейся прежде всего в английском языке, придает дополнительные коннотации традиционному набору социальных значений, приписываемых государственному языку страны.

Заметим, что актуализация таких коннотаций не уникальна для Монголии, а характерна для многих стран, недавно приобретших независимость, небольших по размеру, находящихся в стадии становления или укрепления национального государства. К таким в новейшей истории относится ряд стран, к примеру страны Юго-Восточной Европы¹ или Центральной Азии. Например, исследователи языковых ландшафтов пишут о сходном явлении в Словении², где отмечается напряженность, связанная с растущим значением английского языка. Так же, как и в Монголии, общая озабоченность и заявления об угрозе, которую английский язык представляет для национальной идентичности словенцев, иногда выливаются в более конкретное и специфическое русло, затрагивая и тему ЯЛ. Так, в 2019 г. 20 членов Словенской академии искусств и наук подписали открытое письмо, в котором осудили угрозу, которую английский язык представляет для словенского языка, в частности, упомянув «загрязнение словенского языкового ландшафта мириадами английских вывесок / знаков» [Savski 2021: 4].

Конечно, было бы неверно утверждать на этом основании о неприятии монголами английского языка и всего спектра ассоциирующихся с ним социальных значений. Отношение к английскому языку далеко от однозначности и демонстрирует амбивалентные языковые идеологии. С одной стороны, как уже говорилось, он воспринимается как проводник и воплощение глобализации, не-

¹ Из личного опыта (разговора с коллегами-лингвистами из Юго-Восточной Европы в университете Ка Фоскари, Италия, в 2019 г.): во всех образовавшихся после падения Советского Союза странах Юго-Восточной Европы язык приобрел повышенную значимость для национальной идентичности.

² Словения получила независимость от Югославии в 1991 г.

сущей угрозу национальной идентичности, культуре и традициям. Такая позиция, как правило, идет рука об руку с языковым пуризмом, когда люди выступают за чистоту монгольского языка. Примерами таких языковых идеологий могут служить следующие высказывания:

Цэвэр монгол хэлээрээ ярьдаг байгаасаа гэж хүсэж байна. Англи үг хэллэг, сул үгээ болгон хэт их ашигладаг болоод байгаа.

‘Хочу, чтоб говорили на своем монгольском языке. Английские слова и фразы используются слишком часто’;

Эх хэлээрээ ярьж буй хүмүүс олишрч, англи хэлийг монгол хэлтэй хольж ярьж буй хүмүүс цөөрөөсэй гэж хүсч байна.

‘Я хочу, чтобы количество людей, говорящих на своем родном языке, увеличивалось, а количество людей, смешивающих английский с монгольским, уменьшалось’.

С другой стороны, английский язык оценивается позитивно как международный язык, ассоциирующийся с технологическим прогрессом и доступом к разного рода возможностям, образовательным, профессиональным и т. д., например:

Англи хэлээр ярьдаг хүмүүс олироосой гэж хүсдэг. Учир нь англи хэл дэлхийн хамгийн олон хун ярьдаг хэл бөгөөд хаана ч явсан англи хэлээр ярьдаг хүмүүс олддог.

‘Я хочу, чтобы было больше англоговорящих. Потому что английский — самый распространенный язык в мире, и везде, куда бы вы ни пошли, вы можете найти англоговорящих людей’.

И здесь мы хотели бы остановиться на гибридной стратегии нейминга (комбинировании монгольского и английского языка на вывесках), о чем говорилось в данном разделе. Мы интерпретируем данную стратегию как решение, позволяющее, условно говоря, примирить позиции сторонников монгольского языка и противников английского языка в ЯЛ. Присутствие обоих языков как на официальных знаках (см. фото 2 и 3), так и вывесках частных заведений (фото 1) говорит о совпадении официального и стихийного, низового уровней языковой политики в публичном пространстве. Напомним, что гибридные знаки занимают третье место по количеству (7,2 %) после знаков ЯЛ только на монгольском (56,9 %) и только на английском языке (25,7 %). Такая стратегия нейминга имеет множественное индексальное (на)значение: это и репрезентация монгольской национальной идентичности, и проявление стратегии интернационализации и коммодификации языка. Другими словами, такая вывеска сигнализирует и о «монгольскости» заведения, и о презентации его как части глобальной экономики, где английский язык как международный *lingua franca* позволяет апеллировать к иностранным туристам как потенциальным потребителям.

Примечательно и само по себе обладает социальной индексальностью то, что частотность гибридной стратегии, видимой как на официальных, так и неофициальных знаках ЯЛ, коррелирует с частотностью ответов «за монгольский + английский языки» в ответ на вопрос «Какие языки Вы хотели бы видеть в городе больше, а какие меньше? Почему?». Такие ответы находятся на третьем месте (10,9 %) после желающих видеть в городе только монгольский (47,2 %) и «все языки» (14,5 %) (см. рис. 2). Приведем в качестве примера один из типичных ответов:

Монгол болон англиар ярьдаг хүмүүс олироосой гэж боддог. Эх хэл болон, дэлхийн хэл болох англи хэлийг мэдэх нь чухал.

‘Я думаю, что будет больше людей, которые будут говорить по-монгольски и по-английски. Важно знать родной язык и также английский как мировой язык’.

С точки зрения социальной индексальности здесь важен как количественный параметр (количество «гибридных» вывесок и количество ответов в категории «за монгольский + английский языки»), так и содержание дискурса о языках: связка «монгольский + английский язык» в сознании владельцев бизнесов (интерпретаторов-создателей ЯЛ) и обычных горожан (интерпретаторов-наблюдателей) индексирует то, что люди «голосуют» за сочетание национальной идентичности (=монгольский язык) и включенности в глобальную экономику, открытость и прогресс (=английский язык).

Отношение к китайскому языку также далеко от однозначности. Согласно нашим данным, в монгольском обществе доминирующими являются две точки зрения: (1) антикитайские настроения; (2) осознание необходимости китайского языка наряду с английским и русским. Ниже приводятся фрагменты антикитайского дискурса:

Нийслэл хотод маань англиар чөлөөтэй ярьдаг хүмүүс олирсон нь сайн гэж үзэж байгаа ч, монгол хэлээрээ өөрийнхөө санааг бүрэн гүйцэд илэрхийлэх чадвартай хүүхдүүд олироосой гэж хүсэж байна. Хятадаар ярьдаг хүмүүс цөөрсөн нь дээр, учир нь монголд ирсэн Хятадуудтай хятадаар ойлголцох нь, цаашид хятад хэлтнүүд бүр олирох нь зохисгүй.

‘Я думаю, это хорошо, что в нашей столице больше людей, свободно говорящих по-английски, но я хочу, чтобы больше детей могли в полной мере выражать свои мысли на монгольском языке. Лучше, если будет меньше людей, говорящих по-китайски, потому что с китайцами, приехавшими в Монголию, общаться на китайском языке нецелесообразно, и в будущем число говорящих по-китайски увеличится еще больше’;

Хятад, солонгос хэлийг цөөрөөсэй гэж боддог. Яагаад гэвэл тэдний соёл дургүй. Европын буюу Англи, Орос, гермаг гэх мэт хэлнүүд олирвол, монгол улсад боловсролын талаас сайн гэж боддог. Нэмж хэлэхэд, хүн төрөлхтөний суут зохиол, бүтээлүүд Европ хэл, соёлоос гаралтай.

‘Хотелось бы, чтобы было меньше китайского и корейского языков. Потому что не нравится их культура. Я думаю, что если количество европейских языков, таких как английский, русский, немецкий и т. д., увеличится, это будет хорошо для образования в Монголии. Кроме того, человеческие великие открытия и произведения взяли начало из европейских языков и культур’.

Вторую точку зрения иллюстрируют следующие высказывания:

Англи, Орос, Хятад хэл дээр аль болох олон хүн яриасай. Орос, Хятад хоёр том гүрний дунд амьдардаг манай монголчуудын хувьд хөрш орныхоо хэлийг мэддэг байх ёстой. Англи хэлний мэдлэггүй бол залуусын хувьд ижил хөдөлмөрлөхөд хэцүү болно.

‘Я бы хотел, чтобы как можно больше людей могли говорить на английском, русском и китайском языках. Наши монголы, живущие между двумя великими державами, Россией и Китаем, должны знать язык соседней страны. Без знания английского языка молодым людям будет сложно работать наравне’.

5. Заключение

Ключевыми «игроками» на языковом «поле» Монголии — как в языковом ландшафте столицы, так и в сознании жителей, является, помимо государственного монгольского языка, английский язык, за которым следуют китайский язык, русский язык, корейский; особое место здесь занимает вертикальное монгольское

письмо. Остальные языки представлены в ЯЛ единичными случаями. Конечно, эти тенденции характерны только для столицы страны; остальные города Монголии не входили в рамки нашего исследования. Тем не менее можно утверждать, что по ЯЛ Улан-Батора можно судить не только о современном состоянии, но и о векторе развития страны, метонимически отраженной в ЯЛ ее столицы. Сегодня, в эпоху урбанизации, именно города, особенно столичные, задают социолингвистические тренды.

Языкам приписываются разные социальные значения, и набор этих значений динамичен и очень чувствителен к экстралингвистическим факторам и переменам. Например, в отношении русского языка в новейшей истории мы видели, как эти знаки менялись с плюса на минус в некоторых странах российского ближнего зарубежья. В Монголии, в отличие от этих стран, такого процесса не происходило. Как пишет В. И. Терентьев, «снижение у монголов интереса к изучению русского языка — это не всегда следствие снижения их интереса к самой России» [Терентьев 2017: 58].

Доля вышеназванных языков в символическом языковом пространстве Улан-Батора находится в состоянии динамической трансформации — одни языки увеличивают свой символический вес, у других этот вес уменьшается, при этом процесс развивается не (прямо)линейно. Так, визуальное присутствие русского языка в ЯЛ довольно велико, но это в основном наследие советского прошлого. Низкий уровень представленности китайского языка, несмотря на то, что Китай — крупнейший торговый партнер Монголии, связан с антикитайскими настроениями монголов, о чем говорилось в предыдущем разделе. Таким образом, в отношении ЯЛ Улан-Батора невозможно сделать вывод об отделении языка от ассоциирующихся с ним носителей, а также о том, что «деньги решают все», как следует из наблюдений ученых за ЯЛ в некоторых других регионах мира (см., например: [Мут 2017]). Коммодификация языков в ЯЛ Улан-Батора имеет свои границы, и репрезентация тех или иных языков как символических знаков движима отнюдь не только инструментально-прагматичными, но и неутилитарными, нерациональными мотивами — исторической памятью, соображениями национальной идентичности и патриотизма.

Социальной индексальностью обладает все — и количественное соотношение языков в ЯЛ Улан-Батора, и размер шрифтов, и выбор системы письменности. Актеры, которые вносят вклад в создание ЯЛ, действуют, исходя из сложного конгломерата как целенаправленных, так и неосознаваемых языковых идеологий, сформированных в определенном историческом, политическом и культурном контекстах и отражающих как их индивидуальные ситуации, так и глобальные и локальные тренды.

Конечно, многие темы остались за рамками статьи. Например, отдельного разговора заслуживает тема транслингвальности и — шире — мультимодальности в ЯЛ. Креативное обращение с языками, отмечаемое исследователями ЯЛ разных стран, также присутствует в ЯЛ Улан-Батора, равно как и ошибки при использовании разных языков. Поскольку это первая публикация по результатам полевого исследования, она носит обобщающий характер; более детальный анализ и вышеописанные темы должны стать предметом рассмотрения в следующих публикациях.

В целом тема ЯЛ на стыке с (социальной) семиотикой и этнографией неисчерпаема. Процесс семиозиса вообще и в ЯЛ, в частности, идет постоянно, знаки

появляются и исчезают, интерпретируются и реинтерпретируются в зависимости от изменений в социуме. Как сказал М. Вебер, «человек — это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов (цит. по: [Гирц 2004: 11]), и анализ именно паутины смыслов и значений представляет особый интерес.

Литература

- Бат-Эрдэнэ 2012 — *Бат-Эрдэнэ Сономжамцын*. К вопросу орфографии русизмов в монгольском языке // Наука и школа. 2012. № 4. С. 110–113.
- Бурдьё 2005 — *Бурдьё П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: [https://magazines.gorky.media/ oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html](https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html) (дата обращения: 12.09.2019).
- Габдрахманова и др. 2015 — *Габдрахманова Г. Ф., Махматов З. А., Сагдиева Э. А.* Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артефакт, 2015. 56 с.
- Гирц 2004 — *Гирц К.* Интерпретация культур: [пер. с англ.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 560 с.
- Горных 2007 — *Горных А. А.* Визуальная антропология: видеть себя другим // Антропологический форум. 2007. № 7. С. 32–52.
- Довдонбалжирын 2003 — *Довдонбалжирын Болд*. Заимствование иноязычных терминов в современном монгольском языке : дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Батор, 2003. 164 с.
- Игнатов 2023 — *Игнатов И. А.* Концепция «третьего соседа» во внешней политике Монголии (1991–2021 гг.): исторические и международно-политические аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2023. 167 с.
- Мут 2017 — *Мут С.* Русский язык за рубежом: Взгляд на язык сквозь призму коммодификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 21. 2017. № 3. С. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492
- Рубцов и др. 2016 — *Рубцов А. В., Любимова Т. Б., Сыродеева А. А.* Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: Ин-т философии РАН, 2016. 245 с.
- Русский язык в Монголии 2023 — Русский язык в Монголии: сфера образования / Ч. С. Цыбенова, Г. А. Дырхеева, В. Г. Жалсанова, Ц. Саранцацрал, Ц. Цогзолмаа; отв. ред. Г. А. Дырхеева, Ц. Саранцацрал. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2023. 199 с.
- Терентьев 2017 — *Терентьев В. И.* Русский язык в Монголии сегодня // Азия и Африка сегодня. 2017. № 9. С. 56–60.
- Үндэсний статистикийн хороо — Үндэсний статистикийн хороо. Монгол улсын хүн амын тоо. URL: Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан (nso.mn) (дата обращения: 01.06.2023).
- Форум: Лингвистическая антропология 2023 — Форум: Лингвистическая антропология // Антропологический форум. 2023. № 58. С. 12–189. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189
- Хилханов 2023 — *Хилханов Д. Л.* Феномен Другого в современных условиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Философские науки. 2023. № 2(46). С. 47–58. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.4
- Хилханова 2022 — *Хилханова Э. В.* Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.
- Хилханова и др. 2024 — *Хилханова Э. В., Ондар Ч. Г., Иванов В. В., Акопян К. С.* Языковые ландшафты Кызыла и Улан-Удэ как зеркало региональной языковой политики // Новые исследования Тувы. 2024. № 1. С. 18–38. DOI: 10.25178/nit.2024.1.2
- Чернявская 2023а — *Чернявская В. Е.* «Парадную они называют подъезд»: социальное значение в семантике и метапрагматике // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5
- Чернявская 2023б — *Чернявская В. Е.* Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics. 2023. № 2 (36). С. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73

- Backhaus 2007 — *Backhaus P.* Linguistic Landscapes: A Comparative Study of Urban Multilingualism in Tokyo. Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p.
- Blackwood, Tufi 2015 — *Blackwood R., Tufi S.* The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian Coastal Cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 246 p.
- Cenoz, Gorter 2006 — Cenoz J. and Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages // *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386
- Ferguson, Sidorova 2018 — *Ferguson J., Sidorova L.* What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // *Language Policy*. 2018. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54.
- Gorter 2018 — *Gorter D.* Methods and techniques for linguistic landscape research: About definitions, core issues and technological innovations // *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource* / M. Pütz & N. Mundt (eds). Bristol: Multilingual Matter. 2018. Pp. 38–57. DOI: 10.21832/9781788922166-005.
- Huebner 2006 — *Huebner T.* Bangkok's linguistic landscapes: Environmental print, codemixing and language change // *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 31–51. DOI: 10.1080/14790710608668384
- Khilkhanova 2023 — *Khilkhanova E.* Language Ideologies and Topoi in web Discussions on Russia's Minority Languages // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 102–137. DOI: 10.30842/alp23065737191102137
- Landry, Bourhis 1997 — *Landry R. and Bourhis R. Y.* Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. No. 16(1). Pp. 23–49.
- Savski 2021 — *Savski K.* Language policy and linguistic landscape Identity and struggle in two southern Thai spaces // *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav
- Shohamy 2006 — *Shohamy E.* Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. New York: Routledge, 2006. 208 p. DOI:10.4324/9780203387962

References

- Bat-Erdene Sonomzhamsyn. To a Question of Orthography of Russisms in Mongolian Language. *Science and School*. 2012. No. 4. Pp. 110–113. (In Russ.)
- Bourdieu P. On the Production and Reproduction of a Legitimate Language. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 2. Available at: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyka.html> (accessed: 12 September 2019) (In Russ.)
- Backhaus P. Linguistic Landscapes: a comparative study of urban multilingualism in Tokyo. Clevedon–Buffalo–Toronto: Multilingual Matters, 2007. 158 p. (In Eng.)
- Blackwood R., Tufi S. The Linguistic Landscape of the Mediterranean: French and Italian coastal cities. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 246 p. (In Eng.)
- Cenoz J., Gorter D. Linguistic Landscape and Minority Languages. *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 67–80. DOI: 10.1080/14790710608668386 (In Eng.)
- Chernyavskaya V. E. They Call the Main Entrance a Porch: Social Meaning in Semantics and Metapragmatics, *Slovo.ru: Baltic accent*. 2023a. Vol. 14. No. 1. Pp. 72–85. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-5 (In Russ.)
- Chernyavskaya V. E. Typography as Social Index: Soviet Landscape in the Modern Russian Discourse. ПРАΞΗΜΑ. *Journal of Visual Semiotics*. 2023. No. 2 (36). Pp. 50–73. DOI: 10.23951/2312-7899-2023-2-50-73 (In Russ.)
- Dovdonbalzhiryn Bold. Borrowing of Foreign Language Terms in the Modern Mongolian Language: Cand. Sc. (Philology) Thesis. Ulan-Bator, 2003. 164 p. (In Russ.)
- Ferguson J., Sidorova L. What Language Advertises: Ethnographic Branding in the Linguistic Landscape of Yakutsk. *Language Policy*. 2018. Vol. 17. No. 1. Pp. 23–54. (In Eng.)
- Forum 58: Linguistic Anthropology. *Forum for Anthropology and Culture*. 2023. No. 58. Pp. 12–189. DOI: 10.31250/1815-8870-2023-19-58-12-189 (In Russ.)
- Gabdrakhmanova G. F., Makhmutov Z. A., Sagdieva Je. A. State Languages of the Republic of Tatarstan in the Linguistic Landscape of the Region. Kazan': Sh. Mardzhani Institute of

- History (Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). *Artifakt*, 2015. 56 p. (In Russ.)
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 560 p. (In Russ.)
- Gornyx A. A. Visual Anthropology: to See yourself Differently. *Forum for Anthropology and Culture*. 2007. No. 7. Pp. 32–52. (In Russ.)
- Gorter D. Methods and Techniques for Linguistic Landscape Research: about Definitions, Core Issues and Technological Innovations. M. Pütz & N. Mundt (eds). In: *Expanding the Linguistic Landscape: Multilingualism, Language Policy and the Use of Space as a Semiotic Resource*. Bristol: Multilingual Matter, 2018. Pp. 38–57. DOI: 10.21832/9781788922166-005. (In Eng.)
- Huebner T. Bangkok's Linguistic Landscapes: Environmental Print, Codemixing and Language Change. *International Journal of Multilingualism*. 2006. No. 3 (1). Pp. 31–51. DOI: 10.1080/14790710608668384. (In Eng.)
- Ignatov I. A. The Concept of the “Third Neighbor” in Mongolia's Foreign Policy (1991–2021): Historical and International Political Aspects. Cand. Sc. (History) Thesis. Moscow, 2023. 167 p. (In Russ.)
- Khilkhanov D. L. The Phenomenon of the Other in Modern Conditions. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. MCU Journal of Philosophical Sciences*. 2023. No. 2 (46). Pp. 47–58. DOI: 10.256 88/2078-9238.2023.46.2.4. (In Russ.)
- Khilkhanova E. V. Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: the Differentiation of Concepts. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2022. No. 3. Pp. 148–162. (In Russ.)
- Khilkhanova E. Language Ideologies and Topoi in Web Discussions on Russia's Minority Languages. *Acta Linguistica Petropolitana*. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2023. Vol. 19. No. 1. Pp. 102–137. DOI 10.30842/alp23065737191102137 (In Russ.)
- Khilkhanova E. V., Ondar Ch. G., Ivanov V. V., Hakobyan K. S. The Linguistic Landscapes of Kyzyl and Ulan-Ude as a Mirror of Regional Language Policy. *New Research of Tuva*. 2024. No. 1. Pp. 18–38. (In Russ.). DOI: 10.25178/nit.2024.1.2 (In Russ.)
- Landry R., Bourhis R. Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality: an Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. No. 16(1). Pp. 23–49. (In Eng.)
- Muth S. Russian Language Abroad: Viewing Language through the Lens of Commodification. *Russian Journal of Linguistics*. 2017. No. 21 (3). Pp. 463–492. DOI 10.22363/2312-9182-2017-21-2- 463-492. (In Russ.)
- National Statistic Office of Mongolia. Mongolian Statistic Information Service. Population. Available at: <https://nso.mn/mn> (accessed: 01 June 2023). (In Mong.)
- Rubtsov A. V., Ljubimova T. B., Syrodeeva A. A. Practical Ideology. To the Analysis of Ideological Processes in Political and Socio-Cultural Reality. Moscow: Institute of Philosophy (RAS), 2016. 245 p. (In Russ.)
- Savski K. Language Policy and Linguistic Landscape Identity and Struggle in Two Southern Thai Spaces. *Linguistic Landscape*. 2021. No. 7 (2). Pp. 128–150. DOI: 10.1075/ll.20008.sav (In Russ.)
- Shohamy E. Language Policy: Hidden Agendas and New Approaches. New York: Routledge, 2006. 208 p. DOI: 10.4324/9780203387962 (In Eng.)
- Terent'ev V. I. Russian Language in Mongolia Today. *Asia and Africa Today*. 2017. No. 9. Pp. 56–60. (In Russ.)
- Tsybe nova Ch. S., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova V. G., Sarantsatsral Ts., Tsogzolmaa Ts. The Russian Language in Mongolia: the sphere of education. G. A. Dyrheeva, Ts. Sarantsatsral (eds). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2023. 199 p. (In Russ. and In Mong.)